

— Ваше высочество, вы выглядите просто великолепно! — Линь Лин, поправляя верхнюю одежду Сяо Цяня, смотрела на него с восхищением, словно преданная поклонница.

Сяо Дэцзы тоже не смог сдержаться и кивнул в знак согласия.

Ещё не наступило время утреннего совета, но Фан Минцзюэ уже был разбужен этим шумом. Взяв платок, он вытер лицо, бросил взгляд на опущенные занавески, уголки его губ слегка приподнялись, а затем опустились. Он сдержанно кивнул:

— Очень хорошо.

Хорошо... Хорошо, как же!

Сяо Цянь, глядя на своё отражение в бронзовом зеркале, почернел лицом.

Это тело только что достигло совершеннолетия и было ровесником Фан Минцзюэ. Юношеская хрупкость только что исчезла, а костяк взрослого мужчины ещё не полностью сформировался.

Оно имело сходство с прежней внешностью Сяо Цяня на три-пять частей, но было слишком молодым и незрелым, лишённым твёрдости и решительности. Слишком длинные внешние уголки глаз придавали лёгкую легкомысленность, словно он был возвращён среди пудры и румян, что вызывало у Сяо Цяня сильный дискомфорт.

За последние несколько дней утренние тренировки и смена стиля одежды уже значительно уменьшили эту слабость. Но как только на него надели это красное женское церемониальное платье, переделанное из юбки в штаны, не говоря уже о внешности Сяо Ци, даже прежний величественный генерал Сяо выглядел бы хрупким и слабым.

К счастью, не пришлось надевать эту дурацкую церемониальную корону, иначе Сяо Цянь бы взбесился.

Развешанные повсюду аксессуары вызывали у него больший дискомфорт, чем если бы его пронзили десятью тысячами стрел.

— Мужчина, который подводит брови и красит виски, какое это зрелище? — Сяо Цянь с гримасой боли отвел руку Линь Лин, державшую кисть для туши. — Время ещё раннее, все, идите.

— Да, — ответили служанки и евнухи, покидая зал.

Сяо Дэцзы остался, продолжая усердно помогать Фан Минцзюэ одеваться и умываться.

Сяо Цянь подошёл к Фан Минцзюэ и, помахав Сяо Дэцзы рукой, сказал:

— Я сам справлюсь, иди на дворцовую кухню и принеси лекарственную кашу.

Хотя Фан Минцзюэ как император не обладал большим авторитетом, его пайки никто не смел урезать, максимум — подворовывали немного. Поэтому ежедневная порция лекарственной каши была обеспечена.

Сяо Дэцзы украдкой взглянул на Фан Минцзюэ и, увидев его едва заметный кивок, поклонился и удалился.

— Ты только что улыбнулся? «Очень хорошо»?

Взяв на себя обязанности Сяо Дэцзы по приведению в порядок императорского халата, Сяо Цянь, поправляя пояс Фан Минцзюэ, не упустил возможности ущипнуть императора за талию, сквозь зубы выдохнув:

— Когда-нибудь я заставлю тебя тоже надеть такое.

— Императрица, не шути, — Фан Минцзюэ отстранил руку Сяо Цяня, его лицо, подобное холодному нефриту, оставалось бесстрастным.

Он уже привык к шуткам Сяо Цяня и научился на них реагировать. Генерал Сяо, будучи мастером провокаций, точно знал границы, и его нельзя было ни ругать, ни наказывать. Фан Минцзюэ, сдерживая раздражение, естественным образом развил навык противостояния шуткам.

После того как генерал Сяо, немного разбирающийся в медицине, попробовал лекарственную кашу и накормил Фан Минцзюэ, они вместе вышли из Зала Сунъян. Один направился в Зал Линсяо на совет, а другой — во Дворец Фэнъи для проведения банкета.

К вечеру у ворот дворца собрались князья, аристократы, гражданские и военные чиновники со своими семьями.

Слуги сновали туда-сюда, неся изысканные блюда, вино, свежие фрукты и сладости, словно порхающие бабочки, расставляя угощения в императорском саду и усаживая гостей. Стекланные дворцовые фонари загорались один за другим, создавая атмосферу шумного веселья в обычно тихом дворцовом саду.

На банкете по случаю дня рождения императрицы императорский сад и соседний Павильон Фэнлай были разделены на два приёма: один для чиновников, другой для жён и дочерей знати.

Время подошло, чиновники заняли свои места, шумно поднимая тосты и обмениваясь кубками, совершенно не обращая внимания на императора на возвышении.

Ян Цзинь всё ещё лежал в постели, а Великий наставник Чан, лишившись оппонента, не спеша поднял бокал:

— Да здравствует императрица! Я пью за ваше величество, желаю гармонии в императорском гареме и многочисленного потомства.

Чиновники внизу переглянулись, сдерживая смешки.

Весь императорский гарем состоял из одного мужчины, и они желают гармонии и потомства?

На лице Фан Минцзюэ на мгновение промелькнуло выражение унижения, но он сжал зубы и сдержался, крепко сжимая бокал. Он лишь издали поднял его в ответ Великому наставнику Чану, не в силах вымолвить ни слова.

Один из министров, вертя глазами, встал и с громким смехом сказал:

— Я тоже пью за ваше величество, желаю гармонии в императорском гареме и многочисленного потомства.

— И я тоже...

— Пусть дети радуют вас, а внуки окружают...

— Ваше величество выпили за министра Цяня, как же не выпить за меня? Неужели вы презираете меня за моё военное происхождение?

— Пейте, обязательно пейте!

В отличие от шума в императорском саду, Павильон Фэнлай, расположенный на высокой башне, был странно тихим.

Сяо Цянь выбрал место у коридора, откуда мог видеть происходящее в императорском саду. Отведя взгляд, он с холодным выражением лица и сильной аурой злобы.

Император не император, министры не министры, они наслаждаются унижением императора. Какой же абсурдный двор!

Глядя на то, как молодого императора заставляют пить до красноты лица, Сяо Цянь, привыкший защищать своих, едва сдерживался, чтобы не использовать цигун лёгкости и не отрубить головы всем этим старым черепахам. Но даже если бы у Сяо Цяня оставалась хоть капля мастерства лёгкости, Фан Минцзюэ вряд ли бы оценил это.

— Императрица... — Линь Лин, несмотря на холод, тихо произнесла, — Супруга герцога Жун зовёт вас.

Сяо Цянь сдержал эмоции и с интересом поднял взгляд.

С тех пор как Сяо Цянь сел на своё место, знатные дамы и молодые аристократки превратились в перепуганных перепелок, не смея и слова произнести. Неизвестно, было ли это из-за различий между мужчинами и женщинами, или из-за странной ауры злобы, исходящей от этого незаконнорождённого сына маркиза. Казалось, что одно неверное слово — и они лишатся голов.

Но нашлись и те, кто не понимал намёков.

Супруга герцога Жун, перешагнувшая сорокалетний рубеж, но выглядевшая на тридцать с небольшим, с приподнятыми внешними уголками глаз, явно была не из приятных.

Она начала с улыбки:

— Давно слышала, что императрица обладает необыкновенной красотой и великолепным видом, но до сих пор не имела возможности увидеть. Сегодня, увидев, вы даже превзошли слухи.

Сяо Цянь опустил веки и махнул рукой:

— Вы правы, награда!

Служанка, стоявшая рядом и не знавшая, зачем она тут, сразу оживилась, протянув перед супругой герцога Жун золотой поднос. Под красной тканью лежала изысканно украшенная шкатулка.

Супруга герцога Жун застыла с улыбкой, не зная, принимать подарок или нет, едва не исказив лицо от злости.

Что это за императрица? Она лишь сделала пару комплиментов для подготовки, а ей уже дарят подарки? С кем она себя считает? С актрисой, развлекающей публику?

— Благодарю, ваше высочество, — супруга герцога Жун едва не разорвала платок, но сохранила приличную улыбку.

Тут остальные дамы заметили, что за опущенными занавесками стояли служанки с подносами.

Откуда у императрицы столько сокровищ? Или она заранее изучила их тактику, чтобы заткнуть им рот перед главным разговором? Все присутствующие были не глупы, и, подумав, никто больше не решался заговорить.

Супруга герцога Жун, как инициатор, продолжала сиять, потеряв лицо, но стремясь достичь цели:

— Ваше высочество, мой родственник недавно прибыл из Байду, его незаконнорождённому сыну уже четырнадцать, он обладает прекрасным характером и внешностью, и он восхищается дворцовой пышностью и мудростью его величества...

Дошло даже до дурака: она хотела подсунуть императору мужчину? Не смогли с женщиной, так теперь с мужчиной? Да ещё и незаконнорождённым сыном родственника?

Сяо Цянь едва не расхохотался.

Знатная дама, соблюдая приличия, остановилась, лишь подняв взгляд на Сяо Цяня. Со всех точек зрения императрица не должна была отказать, ведь он не любил императора, влюблённого в генерала Ян, о чём уже написано несколько повестей.

Но Сяо Цянь был прежде всего Сяо Цянем, а уже потом императрицей.

Генерал Сяо, не заботясь о приличиях, бросил в рот пару арахисов, отхлебнул вина и с нахмуренным лицом сказал:

— В этом дворце и так много евнухов...

Супруга герцога Жун несколько раз глубоко вздохнула, едва не задохнувшись, и с натянутой улыбкой произнесла:

— Ваше высочество, что вы говорите, его величество любит мужчин, а мой племянник из хорошей семьи, он может войти в дворец и помочь вашему высочеству.

Сяо Цянь сделал вид, что понял:

— Так он хочет служить императору! Вы бы сразу сказали, я думал, у вас в семье есть родственники, любящие быть евнухами. В таком случае, пусть этот молодой человек придёт во дворец, я посмотрю на него, и если он подойдёт, останется.

Эти слова звучали колко, но супруга герцога Жун достигла своей цели и не могла ничего возразить, только сдержанно попрощалась.

Но лицо она потеряла навсегда.

Остальные дамы, у которых были свои планы или указания, заколебались, они не были такими бесстыдными, как супруга герцога Жун.

[Отсутствуют]

<http://bllate.org/book/16207/1454630>